

Ричард II поступил так же, как с предыдущими жёнами: внешне сохранял спокойствие, будто ничего не происходит, а втайне готовил удар. В конце концов оставалось лишь два пути — развод или казнь по надуманному обвинению.

Но у королевы Екатерины было преимущество: она успела насторожиться и получила предупреждение.

Королеве срочно требовалась помощь.

Пока Рафаэль был занят королевскими поручениями насчёт Белого оленя, королева Екатерина улучила момент и тайно послала к маркизу Филиппу, прося о помощи.

— Когда ты успел сойтись с королевой? — с подозрением спросил Рафаэль. — Не лучшая примета.

— Если я скажу, что мы незнакомы, согласишься?

— Нет.

Маркиз вздохнул:

— Честное слово, я и сам не знаю, почему она ко мне обратилась. Может, прознала, что я гомосексуалист? Филипп никогда особо не скрывал свои склонности, и именно это когда-то побудило Рафаэля завязать с ним знакомство — тот хотел кое-что выяснить у «бывалого».

— Тогда зачем ты передаёшь её просьбу? — Просить Рафаэля о помощи было делом непростым.

— Потому что мне нужно, чтобы королева оставалась на троне. — Брак Екатерины с Ричардом II принёс очевидную пользу: кроме религиозных разногласий, всё шло хорошо, и при дворе воцарилось спокойствие, невиданное при прежних королевах. А лишь в спокойной обстановке маркиз мог заниматься своими делами.

Королева Екатерина обладала даром разбираться в людях и точно знала, к кому обратиться.

Прямой разговор с Рафаэлем не дал бы такого эффекта, как посредничество Филиппа.

— А что я с этого получу? — Рафаэля мало волновало, кто будет королевой. Его больше занимал вопрос, кто станет следующим королём Англии: здоровье Ричарда II таяло на глазах, и это знали все.

— Я проголосую против нового Акта о престолонаследии, — сказал маркиз.

— Не понимаю, о чём ты, — улыбнулся Рафаэль.

— О, полно, другие могут не знать, а я-то тебя знаю. — Согласно старому Акту, первым наследником был принц Ричард, вторым — Август. Новый же Акт, за который ратовала королева, мог вернуть права на престол мисс Марии и мисс Елизавете, отодвинув Августа на четвёртое место.

Задумывался ли Рафаэль о троне для себя — неизвестно, но Филипп точно знал: тот всеми силами стремился возвести Августа на престол.

— Можно задать вопрос? Чисто из любопытства, без подвоха. Можешь не отвечать.

Стук копыт по мостовой раздражал куда меньше, чем назойливость маркиза. Рафаэль жестом позволил ему говорить — всё равно Филипп бы не отстал.

— Допустим, Акт не примут. В этом нет сомнений: мы оба знаем, что если ты захочешь, то добьёшься своего. — Филипп не сомневался: его голос «против» представлял не только его самого, но и целую группу интересов. Если отбросить скромность, весь класс маркизов шёл за ним, и они вместе с приближёнными Рафаэля могли в мгновение ока изменить государственный курс. — Но вот вопрос: даже если Акт провалится, герцог всё равно будет вторым в очереди на престол — и это при том, что его отец (Чёрный Принц) уже ясно дал понять, что трона не желает. Как ты устранишь первого?

Наследный принц, хоть и был ребёнком, уже пользовался в правительстве большей популярностью, чем отец. Многие министры говорили: если править всё равно будет не король, почему бы не выбрать того, кто поменьше шумит?

Во всей стране, пожалуй, лишь Рафаэль мог улыбаться, выслушивая внезапные идеи Ричарда II.

Рафаэль скрестил ноги, его рука в белой перчатке лениво отбивала ритм по колену. Он смотрел на Филиппа, и когда уже казалось, что ответа не будет, вдруг серьёзно спросил:

— А зачем мне его устранять?

— Что? — Филипп опешил.

Почему нет?

— погоди... Ты хочешь, чтобы он сам отказался? — Это было единственное, что пришло в голову маркизу. — Непростое дело. За сотни лет был лишь один Чёрный Принц.

Короли, отрёкшиеся от престола, были и раньше, но добровольно это сделал лишь Чёрный Принц — и судьба его сложилась лучше, чем у других.

Рафаэль так и не ответил на вопрос. Некоторые вещи, даже с друзьями, он не обсуждал. Секрет остаётся секретом, только если его хранишь один.

— Насчёт Акта... проголосуй, пожалуйста, «за». Спасибо.

«!!!»

Филиппу наконец открылся замысел Рафаэля. Устранять наследного принца не нужно было руками Августа или его самого — достаточно было подкинуть наживку другим претендентам. А когда наследник будет убран (неважно, каким способом), можно будет разоблачить конкурентов и воспользоваться плодами.

— Не боишься, что герцог пострадает? — В своей незащитности Август и сам мог стать мишенью.

— Боюсь, что он узнает, что я сделал, — улыбка Рафаэля была безупречной, а в дымчатых глазах — лишь спокойствие. Никто не мог прочесть в его лице или жестах ничего лишнего.

— Ха-ха-ха! — Филипп рассмеялся, решив, что это просто уверенная шутка.

Рафаэль же повернулся к окну, подперев голову рукой, и смотрел на мелькающие здания

Лондона. Как странно, думал он: говоришь правду, а тебе не верят, считая шуткой.

Когда карета подъехала к Уайтхоллу, Филипп остался внутри, а Рафаэль направился к королеве — от имени Августа.

В последние годы Август часто присылал королеве подарки — разумеется, от имени мисс Марии, жившей в Оксфордшире. Король молчаливо разрешал это. Нельзя отрицать: с королевой Екатериной Ричард II и вправду изменился, стал менее вспыльчивым, реже впадал в ярость.

Оставив подарки и письмо, Рафаэль быстро удалился. Он не спрашивал королеву, что случилось, и та ничего не говорила.

Оба понимали: ещё до того, как Рафаэль переступил порог дворца, он уже знал всё от своих людей.

Королева поспешно развернула свёрток. Подарок был настоящим, письмо — тоже, но среди них лежала карточка с неразборчивым почерком, на которой было выведено всего два слова: «для тебя».

Буквально — «для тебя» или «тебе».

Королева Екатерина долго смотрела на изящную карточку. Поняла ли она намёк Рафаэля? Неизвестно. Она не позволила себе проявить ни единой эмоции, быстро пришла в себя и положила карточку на туалетный столик — открыто, будто ничего не скрывая. Затем позвала служанку, чтобы та помогла ей принарядиться.

Согласно полученным сведениям, сегодня король, скорее всего, проведёт с ней решающий разговор. Она должна была выглядеть безупречно — это было её оружием.

Ричард II, как закоренелый поклонник красоты, был безнадёжен. Одна из причин, по которой он терпел Августа и ценил Рафаэля, заключалась в их внешности — она заставляла короля сдерживаться. То же касалось и Джули, давно отвергшей его ухаживания. Не будь она столь прекрасна, король вряд ли стал бы играть с ней в «дружбу».

Между тем Ричард II как раз в эту минуту пил чай со своей «подругой» Джули.

<http://bllate.org/book/15929/1424252>